

Заветный вензель: к биографии Е. Овербек

Н.А. Богомолов, А.Л. Соболев

Аннотация: Баронесса Е. фон Овербек была видной фигурой культурной жизни Петербурга на стыке XIX и XX веков, однако ее ранняя биография была известна только по изложениям З.Н. Гиппиус, а после 1903 года она вообще пропадает из поля зрения как ее русских современников, так и позднейших исследований. На основании архивных разысканий и иностранных источников воссоздается облик этой по-своему незаурядной женщины.

Ключевые слова: З. Гиппиус, культура модернизма, литературный быт, гендер, Элизабет Овербек

Информация об авторах: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nab50@mail.ru

Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

27 октября 1910 года многолетний приятель и конфидендент Зинаиды Гиппиус Сергей Платонович Каблуков записал в дневнике:

«Вчера З.Н. Гиппиус вернула мне “Собрание стихов” своих “кн. 1-ая и 2-ая” с поправками и заметками, сделанными ее рукою. На обложке написано:

“Невинны нити всех событий.
Но их не путай, не вяжи,
И чистота, единость нити
Всегда спасут тебя от лжи...”

З. Г.

На “шмуц-тителе” –

“Противясь любви, – как бы не оказаться Богопротивниками?”

З. Гиппиус.

Сегодня я говорил с нею, прося объяснения инициалов “Е. О.” на стр. 63, 65, 75. От этого объяснения она уклонилась¹.

¹ РНБ. Ф. 322. № 11. Л. 173–174. Приведенный катрен под заглавием «Ясность» и с посвящением В.А. Мамченко будет напечатан только в сборнике Гиппиус «Сияния» (Париж, 1938). Каблуков, будучи профессиональным

Каблуков принадлежал к поколению знакомых Гиппиус, узнавших ее уже в эпоху «Нового пути» и Религиозно-философских собраний – поэтому инициалы, проставленные над стихотворениями «Круги», «Прогулка вдвоем» и «Конец» (именно они располагаются на указанных страницах в дебютном поэтическом сборнике) ничего ему не говорили. Между тем, еще за десять лет до этого любой, входивший в ближний круг Мережковских, расшифровал бы их без труда – речь шла о баронессе Элле (Лизе) Овербек, сыгравшей весьма значительную роль в биографии Гиппиус 1898–1902 гг.

Гиппиус, впоследствии тщательно избегавшая упоминания ее имени¹, описывала обстоятельства их знакомства как минимум четырьмя: в дневнике, в прозе (дважды) и в стихах. Мизансценой для него послужили окрестности виллы *Guardiola* в сицилийской Таормине². Мережковские выехали в Италию из Петербурга в конце 20-х чисел января 1898 г.³, провели около месяца в Риме и на рубеже фев-

переплетчиком, явно объединил в один владельческий конволют первый (1904) и второй (1910) стихотворные сборники Гиппиус; указания на номера страниц относятся к первому из них. Нынешнее местонахождение экземпляра неизвестно.

¹ В обширном корпусе мемуарных текстов Гиппиус Овербек упоминается единожды: «молоденькая англичанка, идеально музыкальная» (*Пахмусс Т. Зинаида Гиппиус: «Эпоха Мира искусства» // Возрождение. 1968. № 203. С. 73*). Имя ее применительно к биографии Гиппиус впервые было названо Т. Пахмусс, возможно, со слов В.А. Злобина (*Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius. Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972, по указ., где она фигурирует как Overbach, baroness E. G., von*). Традиционный вариант русской биографии Овербек в наиболее разработанном виде представлен в коммент. А.В. Лаврова: *Гиппиус З.Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. С. 465–466*. Материалы этого комментария инкорпорированы нами в нашу статью.

² Сопоставительный анализ этих текстов и попытка извлечения из них биографического субстрата предприняты в: *Томсон Р.Д.В. Встреча в Таормине: три редакции одной истории // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 262–273*.

³ Ср. прощальный экспромт П.И. Вейнберга: «В Таормину, в Таормину / Провожают дивно-Зину / Все ее друзья» etc. // *Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 269*. 1 января 1898 г. Гиппиус писала П.П. Перцову: «Отъезд нам назначен 21-го янв<аря>, никаких откладываний Д. С. не потерпит» (Письма З.Н. Гиппиус к П.П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. М.М. Павловой // *Русская литература. 1991. № 4. С. 129*).

раля и марта перебрались на Сицилию. Полтора года спустя Гиппиус записывала в дневнике:

«Маленький домик на скале, где живет знакомая Reif, смехотворная какая-то баронесса, старая, полусумасшедшая художница, к которой я и *chère Marthe* отправились с визитом.

Яркий солнечный день. Крошечный балкон с широкими перилами из камня. Стол с чашками и глупости баронессы. Одна чашка лишняя. Вот и гостя. Маленькая старообразная англичаночка в парусинном платье, в прямой соломенной шляпе. Она села на перила. Баронесса тотчас же затараторила: “*Mademoiselle est russe... Mais elle ne parle pas russe... La mère adoptive...*”¹ и так далее. (Мы говорили, конечно, по-французски.) Мне девочка не нравилась, показалась незначительной. “*Mademoiselle est musicienne...*”² и опять так далее.

Мы спустились в сад, на крутой скале, и сели на камни. У англичанки были такие жалкие ножки в белых башмаках и лиловых чулочках. Баронесса скрипела:

— *Qu'est-ce que c'est qu'un symbole?*

— *Mais je ne sais pas, Madame*³, — отвечала я холодно.

Марта заговорила с баронессой. У англичаночки была странная, красивая палка в руках, с перламутровыми инкрустациями.

— Покажите мне вашу палку, — сказала я.

И когда она мне ее протянула, у меня было непреодолимое чувство, без слов: ведь я с этим существом все могу сделать, что захочу, оно — мое. Слова потом пришли, очень вдолге.

На другой день — вечер у *Gloëden'a*...

Там, на вечере *Gloëden'a* — музыка и опять то же бессловесное чувство. Вдвоем — только раз, на каменной лестнице. Девочка мне показала не такой банальной, умнее Марты, во всяком случае. <...> Потом я заболела, они уехали»⁴.

¹ Мадемуазель русская... Но она не говорит по-русски.... Приемная мать.... (*фр.*)

² Мадемуазель — музыкант... (*фр.*)

³ Что такое символ?... Но я не знаю, мадам. (*фр.*)

⁴ Ретроспективная запись от 16 августа 1899 г. // *Гиппиус* 3. Собр. соч. М.: Русская книга, 2003. [Т. 8]. С. 50–51. Reif Marthe — владелица виллы в Таормине, знакомая Мережковских. *Gloeden Wilhelm baron von* (1856–1931) — немецкий фотограф, живший на Таормине. Дважды возникнет Овербек («маленькая англичаночка, приезжая, музыкантша, со стрижеными, как у мальчика, волосами и с мордочкой хитрой и любопытной мышки») и на самом дальнем плане путевого очерка, напечатанного по горячим

Детали этой ненасыщенной событиями первой встречи снова появятся в прозе Гиппиус четверть века спустя:

«По гравию шаги. Новая гостья. [...] Гостья была маленькая девочка. Так мне показалось с первого взгляда. Очень маленькая и худенькая — да, но чуть она робко присела на каменный парапет, прямо под струящимися ветвями, я увидел, что это, пожалуй, и не девочка. Некрасивое, узкое личико даже старообразно. Все в нем остро: острый подбородок, длинноватый острый нос. Только бледно-розовые губы — детские.

Клара назвала ее “баронессой”... фамилии я не уловил. Хозяйка спросила что-то о здоровье “your mother”. Клара, думая, вероятно, обо мне и привыкнув говорить со мной по-французски, перебила:

— Oh, parlons donc français!

— Parlons français!¹ — согласилась маленькая баронесса, но я понял, что это не ее язык. Раньше она сказала несколько слов по-немецки, потом по-английски, но и там мне почудился едва уловимый акцент. Кто она?

Хозяйка с такой же силой болтливости красноречия разливалась теперь по-французски. Но я не слушал. И не на нее смотрел. Короткое серое платье; и как-то жалобно скрещенные ножки в серых чулках и белых туфельках. Немножко сутулится, оттого, сидя, кажется еще меньше. Широкий жакет английского покроя, английская соломенная шляпа.

— Dites moi, Monsieur, qu'est-ce que c'est que le symbolisme? Dites moi...

Обернулся к хозяйке, не видя ее.

— Mais je ne sais pas, Madame. Je ne sais rien du tout. Je ne pense jamais à rien...² [...]

Маленькая баронесса сняла шляпку, положила ее на парапет, рядом. Я увидел коричневые волосы, с золотыми искорками. Остриженные высоким бобриком, они пышно поднялись надо лбом. Не волнисто, а только пышно.

— Какая у вас красивая палка, — сказал я.

Она молча протянула мне свою трость. Черное дерево внизу, а вся верхняя половина покрыта сплошь перламутровой инкрустацией. Но

следам: *Гиппиус З.Н.* На берегу Ионического моря // Гиппиус З. Собр. соч. М. Русская книга, 2003. [Т. 7.] С. 215, 217.

¹ Давайте говорить по-французски! Давайте по-французски (*фр.*).

² Скажите мне, месье, что такое символизм... Скажите мне. — Но я не знаю, мадам. Я не знаю ничего об этом. Я никогда про это не думаю. (*фр.*)

я почти не видел; я увидел глаза, светло-светло-карие, с желтым ободком вокруг зрачка, и в них, и в том, как она протянула мне эту свою трость, увидел... не знаю что, неопределимо, час судьбы, может быть.

Знаю только свое уверенное чувство тогда: с этим существом я могу сделать все, что захочу, оно — мое. [...]

Мы вышли от художницы втроем, — Клара сказала, что мы проводим Эллу до отеля, нам и по дороге. Элла развеселилась, улыбнулась раза два, по-детски, и, хотя говорила больше Клара, я кое-что об Элле узнал: она музыкантша, композиторша, кончила лондонскую консерваторию, живет всегда в Англии, но миссис Миддл так любит путешествовать, что они весь свет, кажется, изъездили... В Бестре сейчас проездом, но бывали и раньше. Специальность Эллы — оркестровая музыка. Миссис Миддл очень заботится о карьере Эллы, для этого нужно поддерживать в Лондоне связи»¹.

Парадоксальным образом художественный текст, хотя и сочиненный с четвертьвековой паузой, оказывается гораздо точнее и тщательнее в деталях, нежели почти синхронная дневниковая запись — ибо почти все, что сообщается здесь о визави лирического героя, находит подтверждение в сторонних источниках. Подлинное имя «баронессы» было Агнес Элизабет Овербек (Agnes Elisabeth Overbeck), она родилась 10 октября 1870 года в Дюссельдорфе². Она принадлежала к разветвленному немецкому роду (поздний персональный миф о происхождении от русских эмигрантов не находит подтверждения в генеалогических источниках): ее прадед был мэром Любека, дядя — известным архитектором; знаменитый художник Иоганн Фридрих Овербек также состоял с ней в родстве³. После развода родителей мать увезла ее в Лондон, где она окончила Лондонский королевский музыкальный колледж по классу дирижерского искусства; играла на пианино и органе. К моменту знакомства с Гиппиус в ее скромной нотографии значилась музыка к постановке юного Гордона Крэга по мотивам пьесы Мюссе «Любовью не шутят».

¹ Гиппиус З. Собр. соч. М.: Русская книга, 2011. [Т. 11]. С. 316–317 (Рассказ «Перламутровая трость», впервые опубликован в 1933 г.).

² https://de.wikipedia.org/wiki/Agnes_Elisabeth_Overbeck (здесь и далее сведения о внероссийской судьбе Овербек даются, кроме особо оговоренных случаев, по этому источнику).

³ Sellheim I. Overbeck. Neustadt an der Aisch, 1987 (Deutsches Familienarchiv. Bd. 104).

К концу апреля Гиппиус тяжело заболела: один из ее преданных друзей сообщал оставленной в Петербурге их общей приятельнице: «По достоверным известиям, у Зинаиды Николаевны приключился в Таормине нарыв на верхней губе, который чуть не перешел в заражение крови. Доктора хотели делать разрез накрест, что оставило бы два шрама. Но затем дело поправилось, благодаря особой перевязке поперек лица и карболовым промываниям. Теперь все прошло и Ме-режковские переселились в Рим»¹.

Изменение их итальянской траектории могло быть связано с новым знакомством: и в дневнике, и в рассказе возвращение в Рим прямо связывалось со свиданием, назначенным там Овербек:

«Потом я заболела, они уехали. Письмо из Неаполя: “Chère Madame, serez-vous bientôt a Rome?..”² Я ответила, что не знаю, что очень рада была бы еще встретиться и путешествовать вместе немного. Телеграмма: “Could join you Rome, for some [sic] week, mother goes England”³.

Удивило меня, но я обрадовалась»⁴.

«Укладывал, посвистывая, чемодан (хотя еще целых два дня!), когда Мария, с утренним кофе, принесла мне телеграмму.

Раскрыл. Ничего не понимаю. На каком языке? По-французски? По-итальянски? Ах, по-английски! Вопрос, когда я буду в Риме... “Could travel with you... Mother goes England. Ella”⁵.

¹ Письмо С.А. Андреевского к В.Д. Комаровой от 1 мая 1898 г. // РГАЛИ. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 1. Не исключено, впрочем, что Андреевский был мистифицирован (ср., например, описание тех же симптомов в письме Гиппиус к В.Д. Комаровой от 8 марта того же года из Рима: Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // In memoriam. Исторический сб. памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 205) и речь шла о какой-либо другой болезни. Ср. кстати: «Не даром писала я, что в Таормине мне не будет добра без Вейнберга Петра. Так оно и вышло! Там чуть-чуть мне не отрезали необходимейшего украшения — верхней губы. И спасло ее лишь присутствие духа моего супруга» (письмо Гиппиус к П.И. Вейнбергу от 12 июня 1898 г. // ЛН. Т. 106 (в печати)).

² Дорогая мадам, вы скоро будете в Риме? (*фр.*)

³ Могла бы присоединиться к вам в Риме на несколько недель, мать уезжает в Англию. (*англ.*)

⁴ Гиппиус З. Собр. соч. М., 2003. [Т 8]. С. 51.

⁵ Могла бы путешествовать с вами. Мать уезжает в Англию. Элла. (*англ.*)

Стоял с раскрытой телеграммой в руках. Смотрел на наклеенную полосу слов. Обернул — да, мне. Очевидно, надо ответить? Куда? Это из Рима. Да вот адрес отеля, — мой же, где я всегда останавливаюсь»¹.

В эти же дни Гиппиус впервые сообщает о своей новой приятельнице в Петербург: «В Риме меня ждет молоденькая композиторша — русская (ни слова не знающая по-русски), воспитанная в Англии. Она влюбилась в меня и хочет с нами путешествовать»². Выбор адресата этого письма принципиален — Зинаида Афанасьевна Венгерова, писательница и переводчица, входила в очевидный, хотя и трудноопределимый круг петербургских сочинителей модернистского толка, с гипертрофированной толерантностью относящихся к теориям и практикам неклассических любовных отношений. Другой (хотя и более далекой от эпицентра) представительнице той же группы Гиппиус писала уже после возвращения в Россию, которое случилось около 14 июня: задержавшись буквально на два-три дня в Петербурге, Мережковские уехали на дачу «Аврора» (ст. Елизаветино Балтийской железной дороги). Оттуда месяц спустя Гиппиус отправила подробное письмо В. Д. Комаровой:

«В последнее же мое путешествие, нынче весной, я встретила с одной барышней, музыкантшей-композиторшей, с которой мы очень сошлись. Судьба ее трагическая: она русская, в раннем детстве была увезена из России родителями, бежавшими по политическим причинам в Англию и скоро умершими. Девочка не понимает ни слова по-русски, воспитана церемонной англичанкой. Кончила лондонскую консерваторию, издала уже несколько сборников своих песен,

¹ Гиппиус З. Собр. соч. М., 2011. [Т. 11]. С. 335.

² Письмо к З. А. Венгеровой от 5 мая 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Е. хр. 542. Листы не фолированы. Эта обмолвка вызвала, вероятно, живое неудовольствие адресата, так что Гиппиус пришлось оправдываться: «Что касается Овербек — то я серьезно не понимаю, как вы можете и могли упоминать о ней в таком письме, как ваше — и опять не видеть улыбки, с которой я поддразнивала вас “влюбленной англичанкой”. Мне даже казалось, что вы понимаете. Если же перейти на серьезный тон — я в самом деле не понимаю, чем бедная девочка может вам мешать, и в какой мере может она влиять на что-нибудь между нами. Я чувствую искреннюю приязнь к этому ребенку, как чувствовала бы к Нате, если б она меня любила, как эта. Я редко чувствую приязнь, и это мне приятно во мне. Если она приедет в Россию — я буду очень рада и комнату ей, или, во всяком случае, место — найдем» (Там же. Ната — Наталья Николаевна Гиппиус, младшая сестра).

написала четыре симфонии, оперу, дирижирует оркестром и начинает приобретать известность. Но дело не в этом, а в том, что она *волшебна* музыкальна. Никогда я не встречала такого странного существа. Вы не поверите, как она была мне полезна, какие толчки уму в сторону музыки она мне дала. Я ее очень звала в Россию (которую она детски обожает), она должна была приехать, но, кажется, ее строгая мать-англичанка против этого. Если же это ей удастся, – я бы хотела познать-комить ее с вами осенью, если вы позволите»¹.

В этом отрывке намечены принципиальные для Гиппиус черты синтетического облика Овербек, лишь отчасти, кажется, корреспондирующие с ее действительной биографией: так, у нас нет никаких подтверждений ни ее российского происхождения, ни ее русофильства; кажутся преувеличенными и масштабы ее дарования и грядущей славы. Кстати сказать, эта персонификация музыкальной темы получит свое развитие: несколько лет спустя, рассказывая Андрею Белому свой сон о «музыке будущего», Гиппиус предварит его ретроспекцией свежего воспоминания о встречах с Овербек:

«Прежде всего, я должна вас предупредить честно, что я в музыке ничего не понимаю, т.е. не имею никакого *музыкального образования*, а то, которое имела до двадцати лет (я росла в очень музыкальной семье и среди певцов и пьянистов) – совершенно утратила, попросту забыла, *разучилась грамоте*. Года три-четыре тому назад я очень близко сошлась и подружилась с одной девушкой, полуангличанкой-полурусской, небезызвестным композитором (почти исключительно оркестр), которая опять ввела меня в мир музыки на несколько времени и расширила мое “образование” – но за то от прикосновения, слишком глубокого и какого-то *узкого* к этому странному... искусству?? у меня в душе осталось неразложимое чувство, но в котором, знаю, есть и... отвращение. Или страх, который неприятен, как отвращение»².

Вероятно, летом 1898 г. Гиппиус и Овербек обмениваются письмами, не дошедшими до нас, – и в них обсуждается возможность ее визита в Россию. 6 августа 1898 г. Гиппиус пишет Ф. Д. Батюшкову (в принятом между ними слегка легкомысленном тоне): «Я, впрочем, тоже увлекаюсь англичанками. Скажите Мих. Н-чу, что для него есть

¹ Письмо от 19 июля 1898 г. // Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 210–211.

² РГБ. Ф. 25. Карг. 14. Ед. хр. 6. Л. 88 об.–89.

чудная невеста. Сейчас видно, что он для нее именно и рожден. Англичанка - но и русская (говорит только по-английски), музыкантша, композиторша (свой оркестр в Плимуте), спит и видит приехать в Россию и полюбить первого русского, особенно если я посоветую. Имеет 23 года и немного мальчишескую наружность. Передайте это вашему другу. Критикесса тоже убеждена, что тут судьба Михаила Н-ча»¹. «Критикесса» – это З. А. Венгерова, к этому моменту посвященная в подробности романа: в одном из летних писем Гиппиус явно апеллировала к известному ей сюжету: «Я знаю, что вы думали, как это ни странно. Я знаю, что мы могли бы любить друг друга полной любовью, как я ее понимаю, как Л. меня любит и как я, зараженная ею, ей отвечала... символами; но с вами этого не будет: вы этого не знаете; и я не верю, что вы моя»².

Овербек приехала в Россию в сопровождении своей матери³ осенью того же 1898 г. – вероятно, не раньше 10-х чисел октября (когда Мережковские вернулись с дачи⁴), но и не позже конца этого же месяца – ибо октябрем 1898-го датирован инскрипт Бальмонта на поднесенных ей переводах из Шелли⁵ (на редкость уместный презент для англичанки, не знающей по-русски). 13 ноября Мережковские, Венгерова и Овербек навещают Сологуба⁶. В конце ноября Гиппиус обещает приехать вместе с нею в гости к В. Д. Комаровой, причем тон письма предполагает уже состоявшееся знакомство («В будущую

¹ РНБ. Ф. 51. Ед. хр. 10. Л. 14 об. Мих. Н-ч, многократно упоминаемый в этом корпусе, – может быть, Михаил Нилович Альбов.

² Письмо от 12 июня 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Листы не фоллированы.

³ Мать Овербек, несколько раз упомянутая в ее письмах к В.Д. Комаровой (о чем ниже), именуется там «Mrs. Splatt»; при этом в справке, основанной на генеалогических источниках, не говорится о том, что Овербек – приемная дочь.

⁴ «Я возвратилась из деревни несколько дней тому назад...» (Письмо З.Н. Гиппиус к Е.С. Зарудной-Кавос от 15 октября 1898 г. // ИРЛИ. Ф. 445. Ед. хр. 112. Л. 2).

⁵ «Баронессе Элле Овербек на память. К. Бальмонт. 98. окт. СПб» (Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М.: Книга, 1989. С. 36).

⁶ Судя по записи в его «тетради посещений», визит продлился с 20:30 до полуночи («Тетради посещений» Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и аннотированный указ. имен М.М. Павловой и А.Л. Соболева // Федор Сологуб. Разыскания и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 63).

пятницу, конечно, приеду — с Мше Лизой. Она меня и сегодня очень уговаривала ехать к вам, но я так напугана своим ненадежным здоровьем, что все-таки не решилась»¹). 5 декабря Ф.Ф. Фидлер, летописец петербургской литературной жизни, встречает Гиппиус, Венгерову и Овербек на вечеринке у поэтессы О.Н. Чюминой: «Мережковская (он — болен гриппом) декламировала (с муфтой в руках, но без шубы, в одном платье) свои стихи по-русски и по-французски (в собственном переводе); ее сопровождала мисс Овербек, с которой она недавно приехала из Италии»². По косвенным данным, в это же время она начала учить русский язык — по крайней мере, Гиппиус много лет спустя вспоминала (не называя имен) о комическом эпизоде, связанном с этим процессом:

«Какая-то англичанка долго училась по-русски. Наконец, выучилась. И вот, Минский (кажется) принялся рассказывать ей, развивать перед ней свою лирически-философскую теорию. Говорил долго, с доказательствами, с пафосом. Англичанка внимательно слушала. А когда он исчерпал доказательства и горячие слова, англичанка, помолчав, сказала: “Штё-ё-ё?”»³.

26 января 1899 г. Гиппиус пишет А.П. Философовой: «Баронесса Овербек живет еще выше меня, она будет в отчаянии, если Ваш визит к ней отразится на здоровье, я передам ей Ваш привет, а если Вы когда-нибудь захотите ее видеть — она с величайшим удовольствием придет к Вам сама»⁴. 24 февраля в гостях у Венгеровой ее (вместе с Мережковскими, Чюминой и Бальмонтом) встречает Сологуб, лаконичные записи которого становятся единственным источником для дальнейшей хроники: 7 марта он видит Овербек в составе большой компании в гостях у О. Чюминой, а 1 апреля он встречает ее у Мережковских⁵. На этом разысканные сведения о ее визите 1898–1899 гг.

¹ Письмо от 27 ноября 1898 г. // Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 215–216.

² Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 238; он же заметил, что Овербек и Гиппиус уехали вдвоем. Любопытно, что бывший там же Сологуб отметил среди гостей якобы больного Мережковского — но и Гиппиус, Минского, Венгерову, Овербек, Коринфского и Бальмонта («Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 64).

³ Письмо к Г.В. Адамовичу от 15 августа 1927 г. // *Pachmuss* T. *Intellect and Ideas in Action*. С. 366 (атрибуция первопубликатора).

⁴ Письмо от 26 января 1899 г. // РНБ. Ф. 814. Ед. хр. 107. Л. 3–3 об.

⁵ «Тетради посещений» Федора Сологуба. С. 68, 69, 70.

заканчиваются, так что можно осторожно предположить, что она покинула Россию в апреле 1899 г.

Ближе к осени за границу уехали и Мережковские – и последующие несколько месяцев представляют собой один из самых слабодокументированных периодов их биографии. Большую часть этого времени они провели вместе с Овербек – в Риме, на Сицилии, во Флоренции и, наконец, в Германии¹. Подробности об их совместном путешествии содержатся в письме Овербек к В.Д. Комаровой, отправленном 2/15 мая 1900 г.:

«Что касается меня, то, я думаю, миссис Сплатт вам сказала, что я сейчас живу с Мережковскими. На самом деле, прошлым летом я провела всего несколько месяцев в Англии и присоединилась к Зине и Дмитрию Серг[еевичу] этой осенью в Италии. Сперва мы были в Риме, потом три месяца жили на Сицилии, а сейчас мы во Флоренции, где останемся до 24 мая, чтобы потом отправиться в Германию; Зина с мужем в Гомбург, а я в Кобленц к родителям. Зина чувствует себя очень хорошо, и я тоже чувствую себя лучше, чем в начале этой зимы. Я бы так хотела, если вы позволите, поговорить с вами совершенно откровенно о моих планах и замыслах. Вы выказали ко мне столько дружеского интереса, что я осмеливаюсь смотреть на вас как на истинного друга и уверена, что вы меня поймете. Как печально, что счастье так часто достигается ценой страдания другого; так, за два прошедших года я много страдала из-за тех страданий, которые должна была причинить своей матери, которая так добра и так меня любит. Во время ее пребывания в Петербурге вы, возможно, почувствовали, что между моей матерью и Зиной существуют мучительные отношения, что поставило и меня в очень трудную ситуацию. Невозможно судить, кто тут прав или виноват, каждая и права и неправа. Факт, однако, остается фактом: эти два существа не могут понять друг друга, и потому миссис Сплатт больше не может обращаться к Зине за чем бы то ни было. Я люблю Зину от всего сердца, и я, может быть, видела ее так близко, как никто; но временами у меня возникают весьма сильные сомнения, хорошо ли для моего творчества, что я все время нахожусь рядом с нею. Я слишком слаба, чтобы не быть поглощенной более сильной натурой,

¹ Ср. пунктирный очерк маршрута (подтверждаемый и сторонними источниками): «И только осенью 1899 года мы уехали из России на целый год, — сначала зима в Риме, весной опять Сицилия, летом 1900 года – в Германии. В сентябре 1900 – Петербург» (*Гиттис-Мережковская 3*. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, [1951]. С. 74).

и боюсь, что для художника первое условие — это свобода, внутренняя и внешняя. Зина совсем не разделяет моего мнения: она полагает, что только с ней я могу развиваться и смогу создать что-либо достойное в искусстве. Одно из самых сильных моих чувств — любовь к России, к моей родине, но я боюсь, что начинаю смешивать любовь к Зине с любовью к России. Итак, чтобы ясно понять самое себя, я хотела бы увидеть мою страну и пожить там независимо от Зины, — может быть, лишь краткое время, до тех пор, пока сама не пойму, в чем истинная сила. У меня почти нет знакомых в России, но мне кажется, что отправиться сейчас в Россию с миссис Сплатт, увидеть Россию свежими глазами — отличный случай. К тому же я от всего сердца хочу загладить тяжелые впечатления от ее первого пребывания в Петербурге, и я полагаю, что смогу это сделать, если буду жить вместе с ней среди умных и симпатичных людей, каковы настоящие русские! Однако эту идею, весьма простую, трудно претворить в жизнь из-за исключительного характера Зины. Она не одобряет и не понимает разлучения и хотела бы, чтобы я вернулась в Россию с ней и ее мужем в конце июня месяца. Ни за что на свете я не хотела бы порвать с нею: прежде всего, я ее люблю; к тому же я ей стольким обязана, она расширила мои горизонты, как никто и никогда не мог этого сделать, и я все время надеюсь еще многому научиться у нее. Конечно, временами она бывает слаба, но мысли ее всегда сильны и благородны»¹.

Планы эти не были исполнены — и Овербек прожила с Ме-режковскими в Германии все лето. На это же время падает первый опыт их совместного творчества: Овербек сочиняла музыку для недавно написанной пьесы Гиппиус «Святая кровь»: «Зина вам, конечно, говорила о драме, которую она только что написала. Существует возможность поставить ее в Лондоне в октябре, и именно из-за устройства постановки я должна оставаться здесь дольше. Эта драма настолько сильна, настолько нова и смела, что вряд ли английская публика ее поймет. Тем не менее, спектакль будет полезен, хотя бы для пробы мизансцен и т.д. Я готовлюсь писать музыку — работа очень интересная, потому что сюжет предполагает столько новых трактовок! Зина надеется, что драма будет поставлена на будущий год в Париже. Но, конечно, в переводе теряется столько оттенков, столько изящества. Это будет работа почти невозможная, как перевод на английский, особенно для меня, со-

¹ Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 220–221 (оригинал по-французски).

всем не “писаки”!»¹. Впрочем, никаких следов воплощения этого проекта отыскать не удалось.

Больше повезло другой их совместной работе: Овербек сочинила музыку к двум античным пьесам, переведенным Мережковским — «Ипполиту» Еврипида и «Эдипу в Колоне» Софокла. По поводу первой из них Гиппиус писала А. С. Суворину: «Вот о чем хотел спросить я вас, Алексей Сергеевич: что вы думаете о постановке «Ипполита» на сцене вашего театра в ближайшем сезоне? [...] К этой трагедии написана музыка, специально к известному переводу. Музыка была готова еще в прошлом году, ее написала одна мало известная у нас, но знакомая лондонцам композиторша, русская, хотя воспитанная в Англии и там кончившая консерваторию. Там же изданы и ее оркестровые вещи. «Ипполит» как сюита исполнялся прошлой осенью в Плимуте, под дирижерством автора, который распоряжался тогда этим оркестром. [...] Конечно, Алексей Сергеевич, у меня есть и личный интерес к этому делу, я, так сказать, ратую за перевод моего мужа, музыка написана моим другом, таланту которого я очень и очень сочувствую; но помимо всего этого, поверьте, у меня есть тут и желание совершенно объективное, эстетическое, — увидеть на русской сцене нечто действительно прекрасное, настоящее»². В принадлежащем Суворину «Театре литературно-художественного общества» пьеса поставлена не была, но неожиданно увенчалась успехом более амбициозная альтернатива — «Ипполит» был принят к постановке Александринским театром.

Премьера состоялась 14 октября 1902 г.; в недоброжелательной рецензии «Нового времени» музыка была упомянута лишь попутно: «Под заунывную протяжную музыку явилась подернутая облачной дымкою Афродита, вещавшая сдавленным голосом [...]»³. В более дружелюбном отзыве «Биржевых ведомостей» музыкальному сопровождению был посвящен отдельный абзац: «Музыка к “Ипполиту” Еврипида написана г-жею Е. Овербек. Г-жа Овербек получила музыкальное образование за границей и живет в Англии, где хорошо известна своими оркестровыми произведениями»⁴. Вторая

¹ Письмо Е. Овербек к В. Д. Комаровой от 13/19 августа // Там же. С. 227 (оригинал по-французски).

² Письмо от 24 июня / 6 июля 1900 г. // Литературное наследство. Т. 106 (в печати).

³ *Беляев Юр.* «Ипполит» // Новое время. 1902. 16 октября. № 9561. С. 4.

⁴ [Б.п.] К постановке «Ипполита» // Биржевые ведомости. 1902. 14 октября. № 280. С. 3.

«Baron Eugen Borisowitsch Lhwoff-Onégin»

пьеса Мережковского, для которой Овербек писала музыку, «Эдип в Колоне», была поставлена лишь полтора года спустя, в январе 1904 года – и в рецензии на нее (напечатанной в собственном журнале Мережковских) об авторе музыки тоже было сказано несколько добрых слов: «Музыка же г-жи Овербек и недурна, и местами очень уместна»¹.

Возможно, следующий (и последний документированный) приезд Овербек в Россию был связан с премьерой «Ипполита» – все-таки для музыканта со столь скромным послужным списком сцена Императорского театра должна была выглядеть

более чем заманчиво. Точные даты ее пребывания в России неизвестны: Брюсов, бывший в Петербурге с недолгим визитом, застал ее 20 ноября дома у Мережковских: «Был Карташев, хорошо говоривший *против* церковных учений, и m-lle Овербек (?), бывшая любовница Зины»². В этот же день встретил ее там и Блок: «Дело в том, что вчера я получил письмо от Мережковской, где сказано было, что жаль, если я не приду. Я думал – минимум Брюсов и Перцов и вообще что-нибудь важное. Так как мне лучше, то поехал. Оказались Венгерова, Owerbeck [sic] и громкие крики Тернавцева, который скоро ушел. До трех часов ночи говорили по-французски о любви и chair sainte (святая плоть)»³. Ведущиеся в эти дни в салоне Мережковских разговоры

¹ Семенов Л. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В.С. Баяевский. М.: Наука, 2007. С. 116 (впервые напечатано: Новый путь. 1904. № 2. С. 246). Отметим, что в 1904 г. в Плимуте под управлением самой Овербек исполнялись номера из музыки к «Ипполиту». См.: The Strad. 1904. № 16. P. 375.

² РГБ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 24 об. В целомудренном советском издании «любовница» была заменена «подругой» (см.: Брюсов В. Дневники 1893–1910. М.: Изд. Сабашниковых, 1927. С. 125).

³ Письмо от 21 ноября 1902 г. (Переписка Блока с А.В. Гиппиусом (1900–1915) / Предисл., публ. и коммент. В.В. Бузник, Л.К. Долгополова, В.А. Шошина // Литературное наследство. М.: Наука, 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 436). Тема

почти непременно касались их масштабного проекта, входящего в фазу воплощения – журнала «Новый путь»; Овербек, поневоле в него вовлеченная, но, благодаря языковому барьеру, не знающая всех тонкостей столичного культурного политикума, попала в неловкую ситуацию: «Интересный анекдот. Знаменитая композиторша Овербек, покорно исполняя приказание Зин[аиды] Ник[олаевны], привезла на “Вечера совр[еменной] музыки” кучу объявлений о “Новом пути” и передала их по невинности Нуруку. Можешь себе представить, что с ним сделалось! Он чуть ее не прибил и сказал, что он просто запрещает в “его обществе” распространять этот журнал»¹.

В начале следующего года ее еще раз застает Брюсов: «При Зиночке состояла и Лиза Овербек, девица для лесбийских ласк, тощая, сухая, некрасивая, лепечущая по-франц[узски]. Впрочем, она, перебегая, появлялась и у Людмилы, предлагая свои услуги и этой»². Буквально через считанные дни между ней и Гиппиус при неизвестных нам обстоятельствах произошел разрыв – и уже 12 февраля Гиппиус, отвечая на просьбу О. Чюминой, высказывалась с чрезвычайной резкостью:

«Что касается Лизы – то не могу передать ей ваш привет, ибо с “моего горизонта” она скрылась очень окончательно. Она попала в такое общество, с которым я не имела и не могу иметь никакой связи, и в исследование которого лучше не пускаться. Всего нормальнее для нас его игнорировать.

Мне очень жаль это несчастное, исковерканное Европой, существо, – Лизу Овербек, – но мы тут ничего не можем делать. Следовало, чтобы кто-нибудь написал ее приемной матери и она увезла бы ее к

разговора, названная последней – скорее всего, музыка Овербек к одноименной драме Гиппиус.

¹ Письмо Д.В. Философова В.А. Серову от 10 декабря 1902 г. // Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Л.: Художник РСФСР, 1985. Т. 1. С. 389. Казус связан с чрезвычайно воспаленными отношениями между кругом журнала «Мир искусства» (к которому принадлежал помянутый А.П. Нурук) и Мережковскими – причем не в последнюю очередь из-за автора этого письма.

² РГБ. Ф. 386. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 29 об. Людмила – Л.Н. Вилькина. Ср. в письме Д.С. Мережковского к ней: «...Вы сидите перед огнем на корточках, как средневековая колдунья, маленькая, беленькая в розовом свете огня, и варите какое-то любовное зелье из многих похищенных Вами сердец...» – в следующем далее списке доноров значится и «Оверб[ек]» (недатированное письмо // ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 882. Л. 110 об.).

себе. Ведь это почти больное существо, во многом ненормальное, и ее эпопея в Петербурге, в труппе театра Пассаж, может фактически очень печально, скандально и, по-человечеству жалко, закончиться. Мне это чрезвычайно неприятно, тем более, что извне всякий вправе счесть и меня тут ответственной (хотя в этот раз m-lle Овербек приехала в Россию помимо меня) — однако вмешиваться в это, даже касаться “этого”, я чувствую себя совершенно неспособной, да, думаю, было бы и бесполезно»¹.

История не сохранила свидетельств об «эпопее» «в труппе театра Пассаж», о которой упоминает Гиппиус как о деле, заведомо знакомом адресату; лишь в самом общем виде мы можем судить об этом происшествии, благодаря недатированному письму Гиппиус к З. А. Венгеровой:

«Зинаида Афанасьевна.

Прошу вас очень сейчас же постараться как-нибудь доставить прилагаемое письмо Овербек. Я получила его сегодня утром и, конечно, не могу и не желаю распечатывать. Доставить же ей немедленно надо потому, что, как мне сообщила (вопреки моим желаниям слушать) Даша, — Овербек уже отмечена за границу и останется в Петербурге одну лишь эту ночь. Уезжает ли она с Яворской или с Радошевской — во всяком случае, адрес ее нам останется неизвестным, а я бы желала, чтобы письмо ее было ей возвращено, желала бы, поверьте, не из дурного чувства. Можете прочесть надпись на конверте. Еще — Так как ко всему всегда примешивается остро-жалобно-мелко-комичное — следовало бы попросить ее отдать кое-что Дашино, Даша ей дала, когда она приехала, свою единственную большую подушку, которую она не возвратила и на квартире не оставила, и Даша теперь ко мне все ходит и спрашивает, и шепчет, а я должна ей что-то говорить.

Милая Зинаида Афанасьевна, сделайте тут, что можете и как лучше. Если сегодня вас дома нет — завтра утром. Вы знаете адрес Яворской (или Радошевской). Пошлите.

Ваша Зина.

[на левом поле на лицевой стороне листа приписано:]

Но как хорошо, что уезжает из России. Только бы не вернулась»².

¹ ИРЛИ. Ф. 333. Ед. хр. 57. Ср. в недатированном письме к Минскому: «Лиза для меня исчезла. Бог умер в ней для меня, люблю его вне ее» (ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 205. Листы не фолированы).

² ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Даша — Дарья Павловна Соколова (1856 — после 1919), няня Гиппиус и ее сестер; с 1900 г. — домоправительница

Лиза Овербек аккомпанирует Лилли Хоффман

В последующие годы эхо этих отношений еще не раз возникнет в петербургских писательских разговорах: так, историк литературы С. А. Венгеров, вероятно, не без помощи информации, полученной им от собственной сестры, будет в 1906 г. рассказывать Ф. Фидлеру: «Она [Гиппиус] – девственница. Но – лесбиянка. Ее возлюбленная – музыкантша Овербек. Она сама (то есть Зинаида) никоим образом этого не скрывает; однажды она устроила Овербек на глазах у всех не-

Мережковских; Яворская Лидия Борисовна (урожд. Пюббенет, в замуж. Баяринская; 1872–1921) – актриса, антрепренер «Нового театра»; ср. реплику Гиппиус в письме к В.Д. Комаровой: «Что сказать вам о ваших новых знакомых – Щ[епкиной]-]Куп[ерник], Яворской, Арабажине и т.д.? Ничего не скажу: хорошего о них ничего не думаю, а дурное... нужно говорить с осторожностью. Я лично всегда от них держусь подальше, мож. б., даже с несправедливой холодностью, но ведь это уж мои индивидуальные ощущения» (Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой. С. 222); баронесса Радошевская Александра Игнатьевна – драматург, переводчик.

двусмысленную сцену ревности. И у нее были для этого основания – Венгеров сам видел любовное письмо Овербек к одной женщине, не оставлявшее никаких сомнений по поводу сексуального содержания их отношений...»¹. Вспоминала ее и сама Гиппиус, писавшая той же З.А. Венгеровой в 1908 г.:

«У меня, милая Зина, совсем другая точка зрения, ужасно простая, до банальности простая. Я ее никому (ни вам) не навязываю; но почему бы вам ее не понять и не признать, как я понимаю же вашу? – Для меня не все равно, вдвоем, “втроем или соборне”, – ибо малейший пол я признаю только *когда* есть *любовь*. А любовь непременно “тайна двух”. Мне даже стыдно это вам говорить, мне казалось, что вы знаете “любовь”, а потому твердо знаете и это. Постольку, поскольку есть Любовь между двумя – нет “разврата”. Они – взаимноисключающи. Между тремя и “соборне” не может быть тайны “двух”, а следовательно и любви этой не может быть, значит один разврат. Я не была субъективно, в меру моего тогдашнего сознания, да и объективно, развратна, вступая “в брак с Лизой”. Но была, говоря вам об этом и “шалая” с вами. Сложностей вопроса я не касаюсь, но вот общие черты»².

Значительный (хотя и незаметный стороннему лицу) след оставили эти встречи и в собственном творчестве Гиппиус. В свой день рождения 1912 года, преподнося экземпляр первого сборника стихов («Собрание стихов. 1889–1903». М.: Скорпион, 1903) своей двоюродной сестре Наталье Михайловне Доброхотовой, Гиппиус отметила на нем обстоятельства создания некоторых текстов, а также добавила посвящения, отсутствующие в печатной версии; среди них особо выделяется цикл из пяти стихотворений, первое из которых посвящено «Лизе О–к», а последующие – «Л. О.». Это стихотворения «Лестница», «Круги», «Прогулка вдвоем», «Конец» и «Ничего» (три из них были отмечены и в экземпляре Каблукова); прочитанные подряд, они образуют внятный лирический конспект отношений, закончившихся за десять лет до этого³.

¹ Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения. С. 441.

² Письмо к З.А. Венгеровой от 6 апреля 1908 г. // ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 542. Листы не фолированы.

³ Подробнее см.: Богомолов Н.А., Котрелев Н.В. К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. 1991. № 3. С. 121–132. Описанный в этой работе экземпляр сборника (находился в библиотеке ИМЛИ) имеет исключительное значение для текстологии Гиппиус.

Лизе Овербек на память о русских годах досталось новое имя: вернувшись в Англию, она, вероятно под впечатлением от омонимии инициалов, стала называть себя «барон Евгений Борисович Львов-Онегин» (*Baron Eugen Borisowitsch Lhwoff-Onégin*); к фамилии прилагалась фантазийная генеалогия — она представлялась внучатой племянницей автора «Боже, царя храни...». 21 февраля 1904 г. в Плимуте состоялся концерт, где исполнялась музыка, написанная ею в России, причем она сама стояла за дирижерским пультом.

Около 1906 года она, подыскивая исполнителей для своих опер «Икар» и «Мария Антуанетта», знакомится в консерватории с оперной певицей (меццо-сопрано) Лилли Хоффман (*Elisabeth Elfriede Emilie Sigrid Hoffmann*; 1889–1943)¹. Согласно жизнеописанию последней, Овербек давала ей уроки вокала, аккомпанировала на пианино и, воспользовавшись своими знакомствами, составила ей протекцию в «Висбаденской музыкальной академии». Основываясь на воспоминаниях современников, биограф описывает первые месяцы их знакомства: «...необычная пара, она — стройная семнадцатилетняя девушка, почти на голову выше своего избранника, и он — худой, небольшого размера парень. [...] Она знала, что люди будут удивлены, что она, у которой было столько поклонников, остановилась на ком-то одном. [...] Несмотря на это, Лили с детских лет мечтала о том, чтобы завести детей... но она не могла думать о себе»².

25 января 1913 г. в Лондоне они вступили в брак (Овербек выступала в ипостаси Е.Б. Онегина; ее избранница — под собственным именем). Последующие годы они прожили в Штутгарте (*Hohenzollernstrasse 21*), где Хоффман (называвшаяся отныне Зигрид Онегин — *Sigrid Onegin*) имела ангажемент в местной опере. Быт их существенно осложнился в годы Первой мировой войны: Овербек, будучи гражданкой Англии, обязана была регулярно отмечаться в полиции; во время ее кратковременной отлучки на родину соседи донесли, что отъезд ее был мнимым, а в действительности Зигрид якобы прячет ее в доме³.

Лиза Овербек умерла 12 ноября 1919 года и похоронена на городском кладбище Штутгарта.

¹ *Penzoldt F. Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk. Neustadt an der Aisch: Verlag Degener & Co., 1953. S. 41.*

² *Ibid. S. 42.* Перевод А.А. Соболевой.

³ *Ibid. S. 46, 49.*

Литература

Богомолов Н.А., Котрелев Н.В. К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Русская литература. 1991. № 3. С. 121–132.

Гиппиус З.Н. Письма к В.Д. Комаровой / Предисл., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 191–230.

Гиппиус З.Н. Письма к П.П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. М.М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124–159.

Гиппиус З. Собрание сочинений: [В 15 т.]. М.: Русская книга, 2001–2013.

Гиппиус З. Стихотворения / Вст. ст., сост., подг. текста и примеч. А.В. Лаврова. СПб.: Академический проект, 1999. (Новая Библиотека поэта). 592 с.

Литературное наследство: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1980. Т. 92. Кн. 1. 564 с.

Семенов Л. Стихотворения. Проза / Изд. подгот. В.С. Баевский. М.: Наука, 2007. 597 с.

Томсон Р.Д.В. Встреча в Таормине: три редакции одной истории // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 262–273.

Федор Сологуб. Разыскания и материалы / Под ред. М.М. Павловой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.

Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов: характеры и суждения / Изд. подгот. К.М. Азадовский. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 863 с.

Pachmuss T. Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Из переписки З.Н. Гиппиус. München: Wilhelm Fink, 1972. 784 p.

Penzoldt F. [Hrsg.] Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk. Neustadt an der Aisch: Verlag Degener & Co., 1953. 342 S.

References

Bogomolov N.A., Kotrelev N.V. K istorii pervogo sbornika stikhov Zinaidy Gippius [To the History of the first Collection of Verses of Zinaida Gippius]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no 3, pp. 121–132. (In Russ.)

Gippius Z.N. Pis'ma k V.D. Komarovi [Letters to V.D. Komarova], Ed. N.A. Bogomolov. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In memoriam. Historical memory collection of A.I. Dobkin]. Saint-Petersburg–Paris, Feniks-Atheneum Publ., 2000, pp. 191–230. (In Russ.)

Gippius Z.N. Pis'ma k P.P. Pertsovu [Letters to P.P. Pertsov], Ed. M.M. Pavlova. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no 4, pp. 124–159. (In Russ.)

Gippius Z. *Sobranie sochinenii: [V 15 t.]* [Works: in 15 vols.]. Moscow: Russkaia kniga Publ., 2001–2013. (In Russ.)

Gippius Z. *Stikhotvoreniia* [Poems], Ed. A.V. Lavrov. Saint-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. (Novaia Biblioteka poeta). 592 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Literary Heritage. Alexander Blok: New materials and research]. Moscow, Nauka Publ., 1980, t. 92, kn. 1. 564 p. (In Russ.)

Semenov L. *Stikhotvoreniia. Proza* [Poems. Prose: fiction], izd. podgot. V.S. Baevskij. Moscow, Nauka Publ., 2007. 578 p. (In Russ.)

Tomson R.D.V. *Vstrecha v Taormine: tri redaksii odnoi istorii* [Meeting in Taormina: three editions of the same stories]. *Zinaida Nikolaevna Gippius: Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Gippius: New materials. Research]. Moscow, Russian Academy of Sciences Institute of World Literature Publ., 2002, pp. 262–273. (In Russ.)

Fedor Sologub. Razyskaniia i materialy [Fyodor Sologub. Researches and materials], Pod red. M.M. Pavlovoi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 832 p. (In Russ.)

Fidler F.F. *Iz mira literatorov: kharaktery i suzheniia* [From the literary world: characters and opinions], Ed. K.M. Azadovskii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 863 p. (In Russ.)

Pachmuss T. *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München, Wilhelm Fink, 1972. 784 p.

Penzoldt F. [Hrsg.] *Alt-Rapsodie. Sigrid Onégin – Leben und Werk*. Neustadt an der Aisch, Verlag Degener & Co., 1953. 342 S.

“The Cherished Monogram”: On Elizabeth Overbeck’s Biography

Nikolay Bogomolov, Alexander Sobolev

Abstract: Baroness E. von Overbeck was an outstanding figure in the cultural life of Saint Petersburg at the turn of the 19th century though her early years are only evidenced by Z.N. Gippius. After 1903 she falls altogether out of sight both of her Russian contemporaries and later researchers. The present article reconstructs the image of the Baroness – a woman of a remarkable individuality – on the basis of archived documents and foreign sources.

Keywords: Zinaida Gippius, Modernist culture, literary life, gender, Elizabeth Overbeck

Information about the author: Nikolay A. Bogomolov, PhD, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nab50@mail.ru.

Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: ttirodov@gmail.com